

УДК / UDC 342(4/9)

DOI 10.35231/18136230_2022_1_19

Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 1)*

Р. А. Ромашов

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Настоящая статья открывает цикл статей, в которых дается историко-теоретический и сравнительный анализ конституционно-правовых систем современного мира.

Во вводной части работы осуществляется постановка проблемы; выясняется ее актуальность, теоретическая и практическая значимость; определяются объект и предмет, цели и задачи исследования; проводится анализ научной исследованности, а также показываются перспективы развития в обозначенном избранной темой направлении.

В основной содержательной части статьи осуществляется теоретический анализ понятий «конституция» и «конституционно-правовая система», с их последующей экстраполяцией на практику конституционного строительства в странах, принадлежащих к основным правовым семьям современного мира. В рамках данной статьи акцентируется внимание на особенностях формирования и функционирования Британской конституционной системы.

В заключение подводятся итоги и делаются обобщающие выводы, главным из которых является констатация детерминации конституционных и политико-правовых систем. Последние, в свою очередь, представлены совокупностью не только формально-юридических (формальные источники национального права, институты государственной власти), но и субстанциональных (политико-правовые отношения, правосознание) факторов, оказывающих определяющее влияние как на восприятие феномена конституции, так и на определение его места и роли в национальной правовой системе.

Ключевые слова: государство, государственно-правовая система, Основной закон, Конституция, разделение властей, диархия государственной власти, национальное право.

Для цитирования: Ромашов Р.А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 1) // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 1 (67). – С. 19–32. DOI 10.35231/18136230_2022_1_19

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794 А «Государственно-правовые системы современного мира».

© Ромашов Р. А., 2022

Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis

Roman A. Romashov

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

In the introductory part of the work, the problem is stated; its relevance, theoretical and practical significance is clarified; the object and subject, goals and objectives of the study are determined; the analysis of scientific research is carried out, and also the prospects for development in the direction indicated by the chosen topic are shown.

In the main substantive part of the article, a theoretical analysis of the concepts of a constitution and a constitutional legal system is carried out, with their subsequent extrapolation to the practice of constitutional construction in countries belonging to the main legal families of the modern world. Particular attention is focused on the features of the modern Russian constitutional and legal system, which the author refers to a transitional type.

In conclusion, the results are summed up and generalizing conclusions are made, the main of which is a statement of the determination of constitutional and political-legal systems. The latter, in turn, are represented by a combination of not only formal legal (formal sources of national law, institutions of state power), but also substantive (political and legal relations, legal consciousness) factors that have a decisive influence both on the perception of the phenomenon of the constitution and on its definition. places and roles in the national legal system.

Key words: the state, the state-legal system, the basic law, the constitution, the separation of powers, the diarchy of state power, national law.

For citation: Romashov, R.A. (2022). Konstitucionno-pravovy`e sistemy` sovremen-nogo mira: opy`t sravnitel`nogo analiza (stat`ya 1) [Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 1 (67). pp. 19–32. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_1_19

Введение

В современной российской юриспруденции воспринимается в качестве устоявшейся проблематика понимания общеправового массива как совокупности интернациональных общностей – правовых семей за основу формирования, структурирования и функционирования которых принимается формальный метод, в соответствии с которым право – это совокупность статичных юридических форм (источников) и динамических процессов правотворческой и правореализационной деятельности [7, с. 21]. Не ставя перед собой задачу в рамках предлагаемой статьи поддерживать, либо, напротив, критиковать обозначенный подход, полагаем

возможным констатировать его конструктивизм исключительно в области теоретико-правового познания юридической реальности. Говоря об отраслевой и прикладной юриспруденции, следует признать факт своего рода «отстраненности» данных направлений исследовательской деятельности от общетеоретических моделей государства и права. Получается, что теория правовых систем (семей) не экстраполируется на практику их воплощения, что само по себе является проблемой, нуждающейся в разрешении.

В рамках предлагаемого цикла статей предпринимается попытка рассмотреть конституционно-правовые системы, сложившиеся на различных исторических этапах политико-правового развития и сохранившие свою функциональность вплоть до настоящего времени.

Объектом исследования является сама конституционно-правовая система, представляющая собой одновременно институциональную (материальную) конструкцию и совокупность общественных отношений в сфере конституционного правотворчества и конституционной правореализации.

В качестве предмета рассмотрения выступает комплекс проблемных аспектов, связанных с пониманием и структурированием формальных конституций как базовой основы конституционно-правовых систем современного мира, а также характеристикой избранных систем, представляющих, на наш взгляд, наибольшее значение как для теории, так и для практики конституционных правоотношений.

Целью работы является комплексный историко-теоретический и сравнительный анализ научных подходов к пониманию и типологизации конституций и конституционно-правовых систем. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач, к числу наиболее значимых среди которых следует отнести:

- определение понятий феноменов «конституция» и «конституционно-правовая система», выяснение особенностей их соотношения;
- выделение критериев типологизации конституционно-правовых систем, с последующим представлением идентификационных типов;
- осуществление характеристики конституционно-правовой системы современной России в контексте сопоставления тенденций глобализации, регионализации и национализации.

В ходе работы над статьей были проанализированы отечественные и зарубежные конституционные акты, а также работы исследователей

(К.В. Арановского, А.А. Векшина, Н.В. Витрука, В.Д. Зорькина, С.В. Кабышева, И.А. Конюхова, В.Н. Майсак, А.Н. Медушевского, Т.И. Ряховской, В.М. Шадрина, С.М. Шахрая и др.), в которых затрагиваются различные аспекты исследуемой проблематики.

Отмечая проработку отдельных проблемных вопросов, имеющих отношение к заявленной теме, следует констатировать практическую неисследованность феномена «конституционно-правовая система» в отечественной теоретической и отраслевой юридической науке. В ходе предварительного анализа источниковой базы была обнаружена только одна публикация, а именно статья С.В. Кабышева «О конституционно-правовой системе Канады» [2, с. 11–23], причем в аннотации к статье сам автор говорит не о конституционно-правовой, а о правовой системе Канады, не акцентируя тем самым внимание на вышеназванной системной конструкции. Предлагаемый цикл статей представляет собой попытку восполнения существующей лакуны.

Конституция как юридическая форма права и историко-культурное явление

Точно так же, как для общей теории права основополагающим вопросом является определение права как юридической категории и социально-культурного феномена, для отраслевой науки конституционного права первоочередной задачей выступает определение конституции.

По мнению С.М. Шахрая, «скромно» именующего себя человеком, «написавшем Конституцию эпохи Ельцина и Путина» [12], конституция – это одновременно «ядро согласия», процедурный документ, «план будущего» для России [13, с. 5]. Еще вспоминается, когда на проводимой в МГУ конференции посвященной 10-летию Конституции, на вопрос из зала о том, почему столь позитивно оцениваемый «Основной» закон, не привел к столь же позитивным изменениям в жизни российских граждан, Сергей Михайлович, образно сравнил Конституцию «новой» России с автомобилем марки «Мерседес», продвижению которого по бескрайним просторам нашей великой Родины мешают две извечные национальные проблемы: дураки и дороги. Профессор М.Н. Марченко, выступавший сразу после С.М. Шахрая, весьма остроумно напомнил «автору эпохальной конституции», что в советской и постсоветской России никогда не производили «Мерседесы», что же касается отечественных «Москвичей» и «Жигулей», то они нуждались в серьезной адаптационной переподготовке непосредственно после схода с конвейера.

Итак, что такое конституция? Т.И. Ряховская, проанализировав многочисленные подходы к пониманию конституции в трудах отечественных и зарубежных правоведов, полагает возможным объединить их в две группы: материальную и формальную. В рамках первой (материальное понимание), конституция «есть юридическая норма (точнее, система юридических норм – прим. авт. Р.Р.), определяющая форму правления и основные черты государственного строя» [8, с. 204]. В свою очередь в рамках формального представления конституция представляет закон (комплекс законов) «для издания, отмены или изменения которых недостаточно так называемого законодательного пути, но которые издаются при соблюдении особых правил и форм, предписанных специально для издания конституционных законов, затрагивающих самые важные устои государственного строя» [8, с. 204]. При этом «как с материальной, так и с формальной стороны конституция является нормой высшего достоинства и силы. Конституция стоит над законом, она выше его» [8, с. 204].

Не пытаясь оспаривать приведенную точку зрения, следует вместе с тем обратить внимание на фактическое противопоставление закона и конституции. Если признать, что Конституция «стоит над законом», то что же такое сама конституция? Получается, что мы вернулись к исходной точке. Постараемся разобраться. Прежде всего, следует ответить на вопрос о том, следует ли отождествлять конституцию с документальной формой. Конституционная практика свидетельствует о том, что возможны два варианта ответов.

В рамках американской конституционной традиции понимание конституции сводится к единому (писаному) документу, провозглашающему основы государственного устройства и закрепляющему главенствующие принципы соотношения и взаимодействия государства, общества, личности. Именно такое понимание конституции перебравшись из Америки в Европу, а потом распространившись по всему миру, воспринимается в настоящее время в качестве традиционного.

Вместе с тем в Великобритании, признаваемой многими исследователями родиной конституционализма [4], понимание закона вообще и конституции в частности осуществляется в рамках парадигмы «common law» (объединенного/союзного закона), основанной на формальном равенстве источников британского права (парламентских статутов, судебных преце-

дентов и доктрин, нормативных договоров). В таком понимании конституция – это изменяющийся во времени комплекс правовых актов, основывающихся на национальной конституционно-правовой традиции и объединяемых ей.

Получается, что по своей юридической форме конституция может быть представлена как единым нормативно-правовым актом, так и комплексом (системой) документов различных видов. Главным отличительным свойством, характеризующим конституцию при обозначенной возможности видовой разницы, на наш взгляд, является ее (конституции) функциональность задающая направления конституционно-правового воздействия на государство и общество. Целями такого воздействия являются:

- закрепление базовых параметров государственного и общественного устройства;
- определение формы государственного правления и механизма легального транзита высшей государственной власти;
- закрепление системы разделения властей и механизма сдержек и противовесов, препятствующих монополизации властных полномочий в одном государственном органе;
- гарантирование прав человека и гражданина как первичного института права и главной правовой ценности.

Естественно, что сам факт закрепления вышеперечисленных функций на конституционном уровне не означает их фактической реализации. Как известно, недостаточно иметь «хорошие законы» для того, чтобы закрепляемые в них положения получили практическое воплощение, однако и приуменьшать их значение для процесса правовой эволюции также не следует.

В российской государственно-правовой традиции отношение к конституции носило весьма неоднозначный характер. В императорской России конституция воспринималась как продукт буржуазных преобразований, следствием которых стали разрушенные монархии (Франция) и «отвалившиеся» от метрополии колонии (США). Вполне естественно, что апологеты монархической формы государственного правления относились к самой идее конституции как к антигосударственной. Александр III на проекте весьма сдержанной «Конституции Лорис-Меликова» собственноручно начертал: «Слава Богу, этот преступный и спешный шаг к конституции не был сделан...» [1].

Советское государство, провозгласив конституцию Основным законом, наполнило его качественно отличным от буржуазных аналогов содержанием. Свое пренебрежительное отношение к буржуазной конституции высказал «вождь мирового пролетариата» В.И. Ленин: «Что такое конституция? Бумажка, в которой записаны права народа. В чем гарантия действительного признания этих прав? В силе тех классов народа, которые осознали эти права и сумели добиться их» [3, с. 54]. В качестве обособленного раздела в первую советскую писаную Конституцию 1918 г. была включена «Декларация прав трудящегося и угнетаемого народа», автором которой являлся непосредственно В.И. Ленин [10].

Противопоставление советской и буржуазной конституций, представлявших собой квинтэссенцию систем социалистического и капиталистического государства и права, было обусловлено формационным конфликтом, неизбежную победу в котором должна была в итоге одержать «страна победившего социализма», выступавшая в качестве передового форпоста на пути к построению Мировой Советской Социалистической Республики (Конституция СССР 1924 г.).

Советская социалистическая государственно-правовая система представляла собой диархическую конструкцию, в структуре которой были представлены две ветви государственной власти: советская и партийная. Во всех конституциях советского периода определялось, что полнота государственной власти в РСФСР (СССР) принадлежит разноуровневым советам народных депутатов, начиная с местных и заканчивая Верховным. Однако на практике власть сосредотачивалась у представителей партийной элиты, «замкнутой» в своей организации и функционировании на Политбюро ЦК КПСС, члены которого обладали по сути абсолютной полнотой власти в Советском государстве. Наличие фактического двоевластия, обуславливало сосуществование двух «основных законов»: государственного (конституция) и партийного (программа), не противоречащих друг другу, однако и не совпадающих по своим функциональным характеристикам. Советские конституции были призваны выступать в качестве своего рода «вех» социалистического строительства, фиксирующих пройденные этапы и являющих собой документы, отражающие главные явления и события в жизни страны, имеющие место на настоящем историческом этапе. Партийные же программы были обращены в будущее и имели своей главной целью «стратегический

прогноз» продвижения к «окончательной победе коммунизма». Соотношение конституции с партийной программой обозначил И.В. Сталин в своем докладе, посвященном проекту Конституции СССР 1936 г. Было отмечено, что «между программой и конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего ещё нет и чего надо добиться, что нужно завоевать в будущем, конституция, наоборот, говорит о том, что уже есть, что уже добыто и завоёвано. Программа касается главным образом будущего, конституция, наоборот, касается, главным образом, настоящего, того, что уже добыто и закреплено» [8]. Показанные особенности соотношения конституции и партийной программы имели место на всех этапах истории Советского государства, за исключением периода системного кризиса 1988–1991 гг., когда резкое «обрушение» партийного авторитета и делигитимация Коммунистической партии как специфического органа государственной власти обусловила столь же резкое «возвышение» роли конституции как закона, способного в реальности изменить государственный строй. Именно с идеализацией конституции был связан процесс внесения в нее многочисленных поправок, призванных адаптировать советский Основной закон к антисоветской политико-правовой риторике и практике.

Крушение социалистической политико-правовой системы, последовавшее непосредственно после «самоликвидации» СССР, обусловило трансформацию биполярного мира в мультикультурный. При этом оказалось, что завершение формационного конфликта, последовавшее в результате «политической смерти» одного из его участников, не привело к установлению «мира во всем мире». На смену противодействию капитализма и социализма, пришло не менее острое противодействие России с «коллективным Западом». Причем в структуру последнего вошли (бывшие страны «народной демократии», прибалтийские республики), либо стремятся войти (Грузия, Молдавия, Украина), в не столь далеком прошлом выступавшие в качестве «союза нерушимого республик свободных, сплоченных навеки Великой Русью», однако на сегодняшний день воспринимаемые на официальном уровне в качестве «недружественных партнеров».

В сложившейся ситуации понимание конституции вновь становится неоднозначным. С одной стороны, в первой главе получают свое закрепление так называемые «общечеловеческие ценности» (правовое демократическое государство, приоритет прав человека, система разделения

властей, идеологический плюрализм, рыночная экономика и т. п.), что позволяет говорить о действующей российской Конституции как о «представительнице» западного буржуазного конституционного концепта, с другой стороны, в Конституции, особенно в связи с внесенными в 2020 г. поправками явно прослеживается уклон в обозначение приоритета национальных (государственных) ценностей по отношению к международным («общечеловеческим»). Об «отдельности» российской цивилизации, неоднократно заявлял Президент РФ В.В. Путин [5]. Как тут не вспомнить известные строки Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» [11].

Уникальность российской национальной культуры, в основу которой, опять таки по утверждению В.В. Путина, положена идея национального патриотизма как особого свойства ментальности русского народа, складывающегося из чувства любви к своей стране и одновременного долга по отношению к ней [6], обуславливает возможность выделения отличной от других и автаркичной в своей национальной идентичности российской правовой системы. При таком подходе сущностное понимание действующей российской Конституции как «Основного» государственного закона достаточно близко к пониманию Основных государственных законов Российской империи 1906 г., которые по своей структурно-содержательной характеристике были ничем иным, как первой российской кодифицированной писаной Конституцией.

Основное сходство современного и имперского «основных» законов заключается в полноте власти персонифицированной главы государства, выступающего в качестве «центра публичности» и сосредотачивающего в своем лице прерогативы, связанные с формированием и функционированием властных структур, а также с определением направлений внутренней и внешней политики Российского государства. Отличие в легитимационной основе власти главы государства: императорская власть осуществляется от имени Бога, президентская власть – от имени народа, не имеет существенного значения, поскольку и Бог, и Народ выступают в качестве метафорических конструкций, получивших на сегодняшний день конституционное закрепление, однако не имеющих субъективных форм и в силу этого являющихся абстрактными умозрительными конструкциями.

С одной стороны, представление о едином Боге, веру в которого передали «предки», сочетается с характеристикой России как светского

многоконфессионального государства в котором допускается как вера в Бога, так и неверие – безбожие (атеизм). С другой стороны, наряду с представлением о народе Российской Федерации как о коллективном «мы» - носителе суверенитета и источнике государственной власти (преамбула, ст. 3 Конституции РФ), закрепляется конструкция «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». О том, как соотносится государствообразующий народ с многонациональным народом (или все-таки с многонациональным союзом равноправных народов) Российской Федерации, действующая Конституция не уточняет.

Проведенный понятийный анализ позволяет говорить о том, что термин «конституция» может наполняться различным смысловым и функциональным содержанием, что исключает возможность сведения его к единой «универсальной» дефиниции.

Отмечая полисемичность конституции как формальной юридической конструкции и специфического явления национальной правовой культуры, вместе с тем следует отметить, что независимо от того, какой смысл вкладывают исследователи в определение формальной конституции, все они едины в том, что данное понятие представляет собой системный комплекс, в структуру которого входят поведенческие и специализированные, публичные и частные, материальные и процессуальные нормы, в комплексе образующие своеобразную квинтэссенцию национальной правовой системы.

Заключение

Подводя итог осуществленному в рамках предлагаемой статьи понятийному анализу категорий «конституция» и «конституционно-правовая система», представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Конституция в современном ее понимании представляет собой «продукт» эпохи буржуазных преобразований, которые в свою очередь явились следствием перехода общества от «культуры земли» к «культуре индустрии» (Э. Тоффлер). Представляя собой своего рода программу буржуазно-демократического развития, конституция продемонстрировала возможности как конструктивного (Конституция США 1787 г.), так и деструктивного (Конституции Франции и Польши 1791 гг.) влияния на организацию и функционирования соответствующих государственно-правовых систем. Дихотомия подобного рода не позволяет говорить о

конституции, равно как и о демократии, исключительно в позитивном тоне. Являясь одним из юридических средств конституция может оказывать содействие политическим силам, руководствующимся различными целевыми ориентирами, способных в равной степени и укреплять государственный механизм, и разрушать его.

2. Рассмотрение конституции в качестве модельной конструкции позволяет выделять в качестве ее функциональных характеристик следующие параметры:

- закрепление основополагающих форматов в области государственного и общественного устройства;

- законодательное определение системы разделения властей и механизма сдержек и противовесов как условий, препятствующих монополизации властных полномочий в одном государственном органе (должностном лице);

- гарантирование прав человека и гражданина как первичного института права и главной правовой ценности государства и общества.

Следует акцентировать особое внимание на том, что перечисленные параметры должны не просто «присутствовать» в документе, поименованном «конституция/основной закон», но и восприниматься в качестве догматов, в равной степени значимых и обязательных и для простых граждан, и для представителей государственных властных структур.

3. Теоретическое понимание конституции позволяет предложить две модели, которые, с учетом стран, ставших «пионерами» в области конституционного строительства, могут быть условно названы американской и английской. В рамках американской модели, получившей в последующей политико-правовой истории наибольшее распространение, конституция – это самостоятельный нормативно-правовой акт, принимаемый посредством особой правотворческой процедуры и наделяемый высшей юридической силой – «основной закон». В английской модели «common law», конституция представляет совокупность формальных источников национального права, в совокупности образующих изменяющееся динамичное правовое явление «живую конституцию», основанную в большей степени не на определенной юридической форме (писаном документе), а на совокупности принципов конституционализма.

4. Применительно к истории Российского государства и права представляется целесообразным выделение трех замкнутых циклов

развития: имперского, советского, постсоветского. В рамках названных циклов складывается неоднозначное отношение как к пониманию самой конституции, так и к определению ее места в государственно-правовой системе. В Российской империи конституция как продукт буржуазной республиканской демократии воспринималась в качестве деструктивного явления, направленного на «демонтаж» монархической формы правления и в таком качестве воспринимаемого как угроза самому факту существования государственно-правовой системы, основанной на известной Уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность». Советская государственно-правовая система, основанная на диархии государственной (советской) и политической (партийной) власти, воспринимала конституцию, как юридическую форму (законодательный акт), призванную фиксировать «свершившиеся» достижения советской власти и в таком понимании являющую собой «правовую ретроспективу». Что же касается перспективного планирования в области государственно-правового строительства, то эту задачу решали партийные программы. Понимание конституции в постсоветской России носит двойственный характер. С одной стороны, в теории данный акт традиционно воспринимается в качестве «закона законов», обладающего высшей юридической силой по отношению ко всем субъектам конституционно-правовых отношений. Вместе с тем на практике демонстрируется отношение к конституции как к инструменту, зависимому от государственной власти и выполняющему по отношению к ней (государственной власти) сервисную функцию.

Список литературы

1. «Весь этот фантастический проект был отвергнут». Какие дворцовые тайны окутали конституцию // Коммерсантъ История. 13.02.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4691499>
2. Кабышев С.В. О конституционно-правовой системе Канады // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 11–23.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.12. С. 54.
4. Источники конституционного права Великобритании // https://www.myuniversity.ru/Международное_право/Источники_конституционного_права_Великобритании/182657_2315916_страница1.html
5. Путин назвал Россию отдельной цивилизацией // <https://www.rbc.ru/society/17/05/2020/5ec1334d9a79478470930e9f>
6. Путин рассказал о национальной идее России // <https://tass.ru/obschestvo/8438743>

7. Правогенез: традиция, воля, закон: коллективная моногр. / под ред. Р.А. Ромашова. – СПб.: Алетейя, 2021. 480 с.

8. Ряховская Т.И. К вопросу об определении понятия «конституция» в отечественной и зарубежной доктрине конца XIX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 203–209.

9. Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года
[//http://ivstalin.su/index.php?in=1&nompro=11&nomrub=4](http://ivstalin.su/index.php?in=1&nompro=11&nomrub=4)

10. Таранев Н.М. Об участии В.И. Ленина в выработке Конституции РСФСР 1918 г.

11. Тютчев Ф.И. Умом Россию не понять...
[//https://www.culture.ru/poems/46430/umom-rossiyu-ne-ponyat](https://www.culture.ru/poems/46430/umom-rossiyu-ne-ponyat)

[//https://portalus.ru/modules/russianlaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1526469770&archive=&start_from=&ucat=](https://portalus.ru/modules/russianlaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1526469770&archive=&start_from=&ucat=)

12. Шахрай С.М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина
[//https://www.litmir.me/br/?b=746048&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=746048&p=1)

13. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. – М.: Наука, 2013. – С. 5.

References

1. «Ves` e` tot fantasticheskij proekt by`l otvergnut». Kakie dvorcovy`e tajny` okutali konstituciyu ["This whole fantastic project was rejected." What palace secrets have shrouded the constitution] // Kommersant` Istoriya. (2021) [//https://www.kommersant.ru/doc/4691499](https://www.kommersant.ru/doc/4691499) (In Russian).

2. Kaby`shev, S.V. (2012). O konstitucionno-pravovoj sisteme Kanady` [About the constitutional and legal system of Canada] // Leningradskij juridicheskij zhurnal. No 4. pp. 11–23. (In Russian).

3. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii [The complete works]. T.12. P. 54 (In Russian).

4. Istochniki konstitucionnogo prava Velikobritanii [Sources of Constitutional law of Great Britain] // https://www.myuniversity.ru/Mezhdunarodnoe_pravo/Istochniki_konstitucionnogo_prava_Velikobritanii/182657_2315916_stranica1.html (In Russian).

5. Putin nazval Rossiyu ot del`noj civilizaciej [Putin called Russia a separate civilization] // <https://www.rbc.ru/society/17/05/2020/5ec1334d9a79478470930e9f> (In Russian).

6. Putin rasskazal o nacional`noj idee Rossii [Putin spoke about the national idea of Russia] // <https://tass.ru/obschestvo/8438743> (In Russian).

7. Pravogenez: tradiciya, volya, zakon: kollektivnaya monografiya (2021) [Pravogenezis: tradition, Will, law: a collective monograph] / pod red. R.A. Romashova. SPb.: Aletejya. P. 480. (In Russian).

8. Ryaxovskaya, T.I. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «konstituciya» v otechestvennoj i zarubezhnoj doktrine koncza XIX – nachala XXI v. (2018) [On the definition of the concept of "constitution" in the domestic and foreign doctrine of the late XIX – early XXI century] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. No 431. pp. 203–209. (In Russian).

9. Stalin I.V. O proekte Konstitucii Soyuza SSR: Doklad na Chrezvy`chajnom VIII Vse-soyuznom s`ezde Sovetov 25 noyabrya 1936 goda [On the draft Constitution of the USSR: Report at the Extraordinary VIII All-Union Congress of Soviets on November 25, 1936] //http://ivstalin.su/index.php?in=1&nompro=11&nomrub=4 (In Russian).

10. Taranev N.M. Ob uchastii V.I. Lenina v vy`rabotke Konstitucii RSFSR 1918 g. [On the participation of V.I. Lenin in the drafting of the Constitution of the RSFSR in 1918]. (In Russian).

11. Tyutchev F.I. Umom Rossiyu ne ponyat`... [You can't understand Russia with your mind...] //https://www.culture.ru/poems/46430/umom-rossiyu-ne-ponyat //https://portalus.ru/modules/russianlaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1526469770&archive=&start_from=&ucat=& (In Russian).

12. Shaxraj S.M. Kak ya napisal Konstituciyu e`poxi El`cina i Putina [How I wrote the Constitution of the Yeltsin and Putin era] //https://www.litmir.me/br/?b=746048&p=1 (In Russian).

13. Shaxraj, S.M. (2013) O Konstitucii: Osnovnoj zakon kak instrument pravovy`x i social`no-politicheskix preobrazovanij [About the Constitution: The Basic Law as an instrument of legal and socio-political transformations] Moskva: Nauka. P. 5. (In Russian).

Об авторе

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the author

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, head of theory and history of the state department of Law faculty, Pushkin Leningrad State University, Meritorious Scientist of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.02.2022

Received: 17 February 2022

Принята к публикации: 24.02.2022

Accepted: 24 February 2022

Опубликована: 30.03.2022

Published: 30 March 2022